

Myatrūtā: ТРУДНОПЕРЕВОДИМОЕ ПОНЯТИЕ СИРИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. В. МУРАВЬЕВ

В сирийской духовно-аскетической (мистической) литературе, расцвет которой приходится на V–VIII вв., существует несколько понятий, фундаментальных для системы особой ноосферы в этой традиции. При переводе на другие языки они представляли (и представляют) проблему, неверное решение которой нередко создает совершенно новую языковую и культурную игру смыслов, чуждую для языка оригинала. К таким словам принадлежит сирийское *myatrūtā*, (ܡܝܬܪܘܬܐ), которое обычно переводят как «добродетель», что создает неверное понимание в большинстве контекстов.

Именно так (греческим ἄρετή) его передали греческие переводчики первого тома мар Исхака Ниневийского (Исаака Сирина). В статье вскрывается сложная семантика этого слова, восходящего к основе *utr* со значением «напрягать, становиться больше». За идеей преизбытка и напряжения возникает идея совершенства, постепенно переходящая в «нравственное совершенство». В статье дан этимологический и синтаксический анализ слова и его корня. Кроме того, рассмотрены примеры использования слова *myatruta* в первых шести трактатах Первого тома мар Исхака. Прделанная работа подводит к осознанию необходимой коррекции в понимании и переводе этого слова, так как в большом числе мест оно имеет смысл «аскетизм» или «практика воздержания».

Закрепление соответствия «*myatrūtā* — добродетель», по всей вероятности, произошло в византийской литературе и оттуда перешло в другие переводческие традиции. В греческом языке было выбрано несколько соответствующих лексем: ἄρετή, ὑπερβολή и другие. Больше всего проблем вызывает слово «ἄρετή» из-за закрепившегося за ним в аскетике значения «наилучшее устройство» души или «навык к добру» (εἰς καλόν)¹. В греческом языке создалась неверная семантическая связь понятий и переформатировала все семантическое поле, породив необходимость расподобить эту пару. Подтверждающим примером может служить первая же фраза из первого трактата мар Исхака Ниневийского²: ܡܝܬܪܘܬܐ, ܡܫܝܝ ܡܫܠܟ ܕܕܝܐ, греческий перевод: ὁ φόβος τοῦ Θεοῦ ἀρχὴ τῆς ἀρετῆς³. Речь в ней идет о личном духовном прогрессе инока, который приводит его в

¹ Платон (Игуменов), архим. Добродетель // Православная энциклопедия. М., Т. 15. С. 472–486.

² Известного как прп. Исаак Сирин в греко-славянской традиции.

³ Сирийский текст см.: *Mar Isaacus Ninivita. De Perfectione religiosa* / P. Bedjan, ed. P.; Leipzig, 1909. P. 1; греч.: *Ἀββᾶ Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου. Λόγοι ἀσκητικοί* / Pirard, ed. Ἅγιον ὄρος, 2011. 213.

конце к единству с Богом. Очевидно, что слово «добродетель» в его традиционном («евагрианском») смысле, предполагающем качество, противоположное страсти или пороку, качество статичное, описывающее свойства личности, совершенно неудовлетворительно для перевода этой гномы.

Анализ связи этих двух лексем, легший в основу настоящего исследования, необходимо начать с разбора обозначаемых ими понятий как в сирийском, так и в греческом языке. Сирийское слово *myatrūtā* образовано регулярным способом при помощи префикса *m-* и аффикса *-ūt*. Префикс *m-* служит для образования существительных, как правило обозначающих место. Однако в сочетании с аффиксом *-ūt* он дает абстрактные понятия со значением регулярности, например, ܡܟܒܘܬܐ (*mkābūtā*) «болезненность», ܡܟܗܢܢܘܬܐ (*mkahnanūtā*) «священство».

Основное значение его корня \sqrt{YTR} «больше». Этимологически он восходит к общесемитскому **wat(a)r* «нерв, сухожилие», причем значение «ахиллесово сухожилие» представлено также в ивр. יָרֵךְ, сир. ܘܬܪܐ, амхар. ወተር. Постепенно от **wat(a)r* развивается основа **witr* со значением «натянутая веревка, струна, тетива» (ср.: араб. وتر, геэз ወተር, аккад. id/t/ṭru). Вероятно, именно отсюда в дальнейшем возникает смысл натяжения. Так аккадское *watāru* с этим значением фиксируется и в ассирийских (*utāru*), и в вавилонских текстах. Следующее новое значение строится вокруг идеи увеличения или избытка. Оно также встречается уже в аккадском: и в производных породах (D, Dt, Dtn), и в существительном *watartu(m)*. В иврите подобная взаимосвязь значений подтверждается наличием однокоренных слов יָתֵר (*yeter*) «веревка, шнур», יָתֵרֹן «прибыток» (ср.: сир. ܘܬܪܐ с тем же значением) и композите יָתֵרֵי «толпа, множество людей». В арамейских диалектах, евр. — вав. и палест. — араб. фиксируется тот же семантический сдвиг. Обобщая, можно сказать, что общесемитская основа *ytr/wtr* была связана со значением «нерв, сухожилие», «натяжение», «увеличение» и со временем приобрела смысл «избыток, выгода».

В сирийском языке помимо именных корень *ytr* выступает в глагольных формах в разных породах. Приведем их значения: ܘܬܪܐ (*p'al*) «превосходить, получать выгоду»; ܘܬܪܐ (*pa'el*) «увеличивать»; ܘܬܪܐ (*aphel*) «иметь больше, быть причиной выигрыша»; ܘܬܪܐ (*ethpa'al*) «быть лучше, быть выше». Таким образом, везде на первый план выходит значение избытка, увеличения, прибавки и пользы.

Теперь можно вернуться непосредственно к слову *myatrūtā*. Словарь Брокельмана — Соколоффа указывает только три значения: *excellence, abundance* и *benefit, convenience*⁴. Пэйн-Смит, опираясь на арабских лексикографов, объясняет его значение как «*excellencia, praestantia*», причем из библейских примеров он опирается только на следующий стих: ܘܬܪܐ ܡܟܗܢܢܘܬܐ (Екк 3. 19); он соответствует еврейскому тексту Ветхого Завета: לֹפֶל וּמוֹתֵר הָאָדָם מִן הַבְּהֵמָה «ничем человек не лучше животных»; перевод на греческий в Септуагинте выглядит так: καὶ τί ἐλερίσσειεν ὁ ἄνθρωπος⁵. Во всех случаях явственна не семантика «благости», а семантика сравнения (преимущества). На то же семантическое поле выводит

⁴ См.: *Sokoloff. M. A Syriac Lexicon. A Translation from the Latin, Correction, Expansion, and Update of C. Brockelmann's Lexicon Syriacum. Piscataway, 2009. P. 755.*

⁵ *Leiden Peshitta 1979 = Ther Old Testament in Syriac according to the Peshitta Version. Part II, fasc. 5. Proverbs — Wisdom — Ecclesiastes — Song of Songs Wisdom of Solomon / A. M. Emerton, D. J. Lane; Qohelet, ed.*

красные вещи). Толкования этих лексикографов показывают, что уже в сиро-арабском средневековье интуитивно сводили смысл слова *myatrūtā* либо к благодати, либо к достоинству.

В сирийском корень *utr* задает следующие семантические гнезда:

- увеличение: глагол с предлогом — (ܘܪܝܢܐ) *yatir*; прилагательное *yatirā* (*yatirā*), и образованное от него наречие *yitirāit* (*yitirāit*), существительное *yitirūtā* (*yitirūtā*), «увеличение»;
- остаток: *tūtrā* (*tūtrā*);
- выгода и польза: *yitirā*, «польза, выгода»; *yitirāit* и *yitirā* с тем же значением;
- совершенство: *myatar* (*myatar*).

Вероятно, семантический сдвиг в сторону «совершенства, добродетели» породило причастие породы *raʿel yatar* (*myatar/myatar*) и привело, в конце концов, к появлению у слова *myatrūtā* этического и аскетического смысла. К этому заключению подталкивает наличие лексемы *yitirā* со значением «достоинство как свойство конкретного человека».

При переводе сочинений восточно-сирийских аскетических писателей необходимо представлять себе, во время какой фазы семантического сдвига был создан текст и на какую часть смыслового поля он фокусируется. Без сомнения, наглядным будет анализ первых шести трактатов из I-ого тома корпуса мар Исхака Ниневийского. Считается, что именно они были авторизованы знаменитым отшельником из Хузистиана¹³. После этого он ослеп и уже не мог сам читать и тем более авторизовать текст.

Вернемся к самой первой, уже приведенной в начале статьи фразе: *yitirā* *ܘܪܝܢܐ* *ܘܪܝܢܐ* *ܘܪܝܢܐ* (I,1)¹⁴, традиционный перевод ее на русский звучит так: «Начало добродетели — страх Божий (= Бога)»¹⁵. Если учитывать как внутреннюю форму и этимологию, так и общее направление рассуждения сирийского писателя, то станет ясно, что значение здесь иное. Не вызывает сомнений, что у нас перед глазами парафраз знаменитой ветхозаветной гномы: *הַתְּחִלָּה אֵיִתִּיר*, «Начало премудрости — страх Господень» (Псалом 110. 10). Однако в поле зрения мар Исхака не премудрость, достоинство древнего хахама-мудреца, а аскетическая стратегия, прогресс на пути к соединению с Богом. Не «добродетель» нестяжания, например, или милосердия начинается со сложной установки, которая называется «страх Бога», а именно аскетический путь к высотам мистики. Правильный перевод тут должен звучать «восхождение» или «аскетический подвиг». Далее мар Исхак говорит о *yitirūtā* *ܘܪܝܢܐ*, «основании *myatrūtā*» (I, 2), что также надо понимать как «основание аскетического труда или подвига». Подобное значение встречаем еще в целом ряде случаев. *yitirūtā* *ܘܪܝܢܐ* *ܘܪܝܢܐ* *ܘܪܝܢܐ*, «*myatrūtā* [состоит] в

¹³ Продуктивным было бы сравнение употребления этого термина как в остальных трактатах у самого мар Исхака, так и в сочинениях прочих писателей аскетико-мистической направленности. Эту задачу автор видит отдельной и оставляет на будущее.

¹⁴ *Mar Isaacus Ninivita. De Perfectione religiosa*. P. 1.

¹⁵ *Аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические* / С. И. Соболевский, пер.; М. Новоселов, С. Четверухин, предисл. М., 1901. С. 1.

том, чтобы посредством мышления человек освободился от мира» (I, 6). В еще одном примере выражено довольно очевидное условие для аскетического пути: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*, «рассуждение о myatrūtā требует сердца, оторванного от земли и ее забот» (I, 26); следующий контекст относится к той же категории: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ* «рассуждения о myatrūtā» (I, 27). И последнее: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*, «для объяснения myatrūtā» (I, 36). Но объяснения требуют не совершенство (*excellencia moralis*), а путь аскета, его восхождение.

Аскет именуется *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ*, «тот, кто возлюбил myatrūtā» (II, 16). Здесь перевод опять сдвинут в сторону «подвига». В этой же главе мар Исхак продолжает: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*, «не столь великое дело терпеть человеку скорби за myatrūtā», явственно указывая на аскезу, за которую нередко иноки подвергались порицанию. О подвиге же следующая фраза: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*, «не радеть об этой myatrūtā» (II, 25), поскольку следом автор предупреждает: «тебя неизбежно отбросит к противоположному. Всякое уклонение от этой стороны есть уже начало [движения] к стороне противоположной», под которой мар Исхак подразумевает «мир», т. е. страсти и мирские радости (здоровье, удовольствие и т. д.).

Фраза: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*, «усугубляй труд myatrūtā в отношении души» (II, 26) также продолжает тему подвига, что ясно подтверждается последующими словами: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*, «пусть myatrūtā будет для тебя телом, а созерцание — душой» (II, 35). Мысль мар Исхака понятна в свете евагрианской схемы, первая часть — труд аскезы (*pullhānā*), а вторая — созерцание (*ܩܘܪܕܢܐ*, *θεωρία*). В этом случае перевод «добродетель» будет ошибкой. Та же мысль в следующей главе: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*, «без телесного труда myatrūtā... невозможно родиться второй душой — созерцанию» (II, 36). И фразы: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*: «почему myatrūtā мучает тело, но возвращает душу?» (III, 15); *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*: «духовное знание следует за трудом myatrūtā [род.п.]» (III, 27) явно относятся к аскетическому подвигу.

Тема подвига реально выступает доминирующей в целом ряде примеров, где уместным будет перевод myatrūtā как «подвиг» или «аскетический труд»: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*: «претерпи презрение со смирением в мысли о myatrūtā» (IV, 6); *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*: «без постоянного упражнения в myatrūtā» (IV, 10); *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*: «откажись принимать в келье своей друзей, даже под предлогом myatrūtā» (IV, 64); *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*: «если не хочешь бед, то и не приступай к myatrūtā» (V, 10); *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*: «О, как трудна эта myatrūtā» (V, 73); и, наконец: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*: «поэтому, даже если он не хочет думать о myatrūtā, действие искушения заставляет его думать о ней и не помышлять о суетном» (V, 46).

Следующее значение слова — оно же первое, согласно Пэйн-Смиту, — «духовное совершенство». Так: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*: «ревностное стремление души получить myatrūtā» (I, 31), предполагает желание достичь совершенства. Встречаются и не столь однозначные места: *ܩܘܪܕܢܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ ܕܘܚܪܐ*, «кто

говорит о *myatrūtā* (I, 38). Предметом разговора можно предположить и подвиг, и совершенство как его результат, но здесь предпочтительнее — «духовная жизнь», перевод же «добродетель», очевидно, окажется натянутым. Для предложения: *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «постоянно вспоминай тех, кто превосходит тебя *myatrūtā*» (II, 5), тоже допустимо значение «духовная жизнь», поскольку ни совершенство, ни подвиг тут не очень удачны из соображений русской стилистики. Необходимая связь испытаний с аскетической жизнью задается так: *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «кто бежит от искушений, тот бежит от *myatrūtā*» (III, 46–47). В этом примере перевод «добродетель» нежелателен, так как его продолжение: *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «какая *myatrūtā* совершается без искушений?» (III, 47), опять ближе к семантике духовной жизни. Таким образом, во всех приведенных случаях речь идет об аскетическом подвиге, и перевод «добродетель» нельзя признать уместным.

Тема нравственного совершенства звучит в сравнении мар Исааком аскетической жизни со здоровьем, а страстной с болезнью: *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «если добродетель есть естественное здоровье души» (III, 12). В этом контексте перевод *myatrūtā* как «добродетель» возможен и стилистически, и по смыслу. То же самое можно сказать и о противопоставлении: *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «во грехе или в *myatrūtā*» (III, 17), где перевод «добродетель» также допустим. Об аскетическом этапе повышенной сложности идет речь в следующем отрывке: *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «если необходима поистине великая *myatrūtā*, ... нападают искушения» (III, 54). Далее мар Исаак пишет: *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «человек не может их вынести, чтобы приобрести эту *myatrūtā* во время оно», смещая семантический фокус в сторону аскетического опыта. К этому же полю относятся еще два примера: *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «если не имеешь дел, не говори о *myatrūtā*» (VI, 35); *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «мужественно начинай дело *myatrūtā*» (VI, 47).

Интересный аспект выявляется в: *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «наслаждение, уготованное тоскующим по *myatrūtā*» (IV, 4), речь может идти как о нравственном совершенстве, так и о подвиге. Первое — предпочтительнее.

В случаях: *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «ибо нет иной *myatrūtā* труднее и большеэтой» (V, 24); *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «действительно, в своем краю затруднительно преуспеть в этой возвышенной *myatrūtā*» (V, 24); *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «человек собирает свои помыслы с помощью чтения, трудов, страха и попечения о разных *myatrawātā*» (VI, 28); *ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā*, «всякую телесную *myatrūtā*, совершенную без телесного труда, считай неодушевленным выродком» (VI, 35), значение слова находится между полем «аскезы» и полем «добродетели», и оба перевода допустимы.

Возможность двойного понимания «духовная жизнь» или «совершенство» предоставляет этот отрывок:

ḥāiḥūṭā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā ḥayyā, «[увидев] их дела *myatrūtā*, святые ангелы стали вестниками величия таких лю-

дей» (VI, 13); ܩܘܪܒܢܐ ܕܥܘܠܐ ܕܥܘܠܐ, «постоянным чтением обновится в нем стремление к myatrūtā» (VI, 25).

Итак, в рассмотренных примерах из первых шести трактатов мар Исхака Ниневийского видно, что употребление термина myatrūtā классифицируется по четырём основным семантическим векторам: 1) аскеза, подвиг; 2) духовная жизнь вообще; 3) преизбыток, совершенство; 4) приобретенный добрый навык, добродетель. Исследователь и переводчик первого тома на английский язык Д. Миллер в указателе насчитывает восемнадцать случаев употребления слова myatrūtā¹⁶.

Обобщая, можно сказать, что термин myatrūtā широко употребляется мар Исхаком как полисемантическое понятие. Его семантика «плавает» между несколькими векторами, главными из которых следует признать «аскетический подвиг» и «духовная жизнь». Сравнительно с общесемитским фоном сирийский постепенно сужает полисемантическое понятие. При переводе кажется желательным отказаться от индуцированного греческой и арабской традициями безальтернативного перевода этого термина как «добродетель» и, учитывая сложную семантику корня, делать необходимый выбор в зависимости от контекста. Это верно для текстов, написанных в позднеантичное и раннесредневековое время. В текстах позднего времени (IX–XII вв.) возможно сужение семантического поля до значения «добродетель, благородство» под влиянием арабского языка, использующего производные корня fdl.

В современной сирологии отсутствует полноценный словарь аскетической и философской терминологии. Список, который поместил в конце своего очерка об Иоанне Дальятском Робер Бёле, удивительным образом пропускает слово myatrūtā, видимо сочтя его столь расхожим, что оно не нуждается в отдельной строке указателя и в объяснении¹⁷. Наш краткий анализ показывает необходимость нюансировки в переводе этого термина, а также указывает на динамический аспект мысли мар Исхака, в которой аскеза могла содержать в себе совершенство, но в то же время применяться и в статическом смысле.

Ключевые слова: семитология, этимология, терминология, мистическая литература, переводы, Исаак Сирин, лексикология, семантика.

Myatrūtā:

A NOTION OF THE SYRIAC SPIRITUALITY LOST IN TRANSLATION

V. MURAVJEV

The standard translation for the Syriac word myatrūtā is believed to be virtue (ἀρετή). The present article demonstrates that this is not so evident. The etymological analysis shows that the semantics of the stem YTR is constructed around the idea of tension

¹⁶ См.: *Ascetical Homilies of St. Isaac the Syrian* / D. Miller, transl. Boston, 1984. P. 563.

¹⁷ См.: *Beulay. L'Enseignement spirituel de Jean de Dalyata mystique syro-oriental de VIII-e siècle*. Paris, 1990 (Théologie historique; 83). P. 514–521.

(nervous or muscular). Syriac lexicographers registered some further developments, as the derivatives acquired meanings of abundance, benefit and convenience. The most sophisticated is the latest meaning of dignity out of which moral excellence has been extracted. Syro-Arabic lexicographers prefer to use words constructed upon the root *fdl* thus reflecting the semantic shift. Greek word initially connected with military bravery has been chosen for the translation of *myatrūtā* because of that later development.

In the Syriac mystical literary Corpus the word *myatrūtā* continued to be used in different ways. For the analysis Memre 1-6 from the First Collection of Isaac have been chosen. Greek translators of St Isasac of Nineveh Patrikios and Abraamios inevitably used ἀρετή to render *myatrūtā*. In the article a tentative semantical formalization for the word *myatrūtā* has been performed. It falls into four vectors: ascetics in general (a); spiritual life (b); abundance (c) and, finally, acquired habit of good-doing (= virtue) (d). The results are preliminary but a somewhat more nuanced approach to the translation and understanding of the word in question seems to be a must.

Keywords: Semitic linguistics, etymology, terminology, Syriac mystical literature, translations from Syriac to Greek, Isaac of Nineveh, lexicology, semantics.

Список литературы

1. *Аввы Исаака Сириянина* Слова подвижнические / С. И. Соболевский, пер.; М. Новоселов, С. Четверухин, пред. М., 1901.
2. *Платон (Игуменов), архим.* Добродетель // Православная энциклопедия. Т. 15. С. 472–486.
3. Ἀββᾶ Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου. Λόγοι ἀσκητικοὶ / Pirard, ed. Ἅγιον ὄρος, 2011.
4. *Ascetical Homilies of St. Isaac the Syrian* / D. Miller, transl. Boston, 1984.
5. *Assemani S.E.* Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana: In Qua Manuscriptos Codices Syriacos, Arabicos, Persicos, Turcicos, Hebraicos, Samaritanos, Armenicos, Aethiopicos, Graecos, Aegyptiacos, Ibericos, & Malabaricos, [...] : T. 3. Romae, 1725.
6. *Beulay.* L'Enseignement spirituel de Jean de Dalyata mystique syro-oriental de VIII-e siècle. Paris, 1990 (Théologie historique; 83).
7. *Mar Isaacus Ninivita.* De Perfectione religiosa / P. Bedjan, ed. P.; Leipzig, 1909.
8. *Leiden Peshitta 1979 = The Old Testament in Syriac according to the Peshitta Version.* Part II, fasc. 5. Proverbs — Wisdom — Ecclesiastes — Song of Songs Wisdom of Solomon / A. M. Emerton, D. J. Lane; Qohelet, ed.
9. *Payne Smith R. et al.* Thesaurus Syriacus. Oxford, 1879.
10. *Septuaginta 1935 = Rahlfs A.* Septuaginta. 2 vols / Stuttgart: Wurttembergische Bibelanstalt. — 1935.
11. *Sokoloff. M.* A Syriac Lexicon. A Translation from the Latin, Correction, Expansion, and Update of C. Brockelmann's Lexicon Syriacum. Piscataway, 2009.
12. *Wright W.* Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum Acquired Since the Year 1838. L., 1871.